

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 46197 (В.К. АЛЫМОВ И «СААМСКИЙ ЗАГОВОР»)

Вел следствие по делу В.К. Алымова один из самых «способных» оперуполномоченных 4-го отделения Мурманского окружного отдела НКВД сержант госбезопасности В.П. Школин (сержант госбезопасности был чином серьезным, перед ним и армейский капитан трепетал). Он постарался, прежде всего, оформить как положено дело: имеются постановления прокуратуры на арест, ордер № 92 на обыск, протокол, подписанный понятыми, анкета арестованного. Все это аккуратно подшито в папку дела № 46197, проставлены даты: начато 27.02.38, окончено 7.04.38. Зафиксирована отметка, что при аресте и обыске квартиры В.К. Алымова была изъята вся переписка ученого, которая впоследствии была ликвидирована «как не нужная».

Вначале, сразу после ареста, В. Алымову было предъявлено обвинение, что он «является участником контрреволюционной финской националистической организации на Кольском полуострове». Но уже через месяц, к началу апреля, формулировка стала иной: «Является участником контрреволюционной повстанческой шпионской диверсионно-террористической организации». Как видим, обвинение отказалось от слов «финской националистической» и дало новое, более расширительное и, можно сказать, более громкое название всему делу. Если первоначально Алымову «шили» лишь два пункта 58-й статьи 10-я и 12-я (часть первая), то теперь ему добавили обвинение по пунктам 2, 6, 8, 9 и 17.

Лично Василию Кондратьевичу вменялось в вину (хотя на этом внимание особо не акцентировалось):

- а) принадлежность в 1904–1906 годах к меньшевистскому крылу РСДРП;
- б) арест жены Софьи Петровны и приемного сына Сергея Галицкого (арестованных в Мурманске осенью 1937 года);
- в) связь с врагами народа в Ленинграде (профессор Д.В. Бубрих, преподаватели ИНСа А.Г. Эндюковский и З.Е. Черняков) и Москве (П.Г. Смидович, С.Л. Бутурлин);
- г) научная работа в качестве ученого-этнографа в интересах саамской общины, ее культуры и традиций.

На допросах

Первый допрос начался вроде бы с безобидных и житейских вопросов: где работал, с кем знался? В.К. Алымов упомянул питерских знакомых, затем перечислил мурманских, назвал бывшего директора Биологической станции в Полярном профессора Г.А. Клюге (последний раз встре-

чались в Ленинграде зимой 1936/37 года на квартире Германа Августовича на улице им. Розы Люксембург), агронома И.Г. Эйхфельда с Хибинской опытной сельскохозяйственной станции, архивиста и краеведа Я.А. Комшилова и врача Николая Халапсина.

Затем были заданы два вопроса «позаковыристее»: «Расскажите о связях с заграницей; расскажите о связях с финнами, саамами и членами Комитета Севера в Москве».

На первый из них подследственный ответил четко: «В советское время никаких связей не было. А до революции дважды был за границей: в первый раз в Персии в качестве изыскателя строящейся там железной дороги (в 1913 году), во второй раз в Турции, туристом в Константинополе (в 1917 году)».

Другой вопрос был сложнее и вызвал ряд дополнительных уточнений. В.К. Алымов, прежде всего, подчеркнул, что никаких связей у него с финнами не было. Сейчас, по прошествии времени, можно определенно сказать, что органы НКВД пытались связать воедино два тогдаших «громких» дела: «финское» и «клопарское». Однако твердая позиция Василия Кондратьевича в немалой степени помешала это сделать.

Отвечая на остальные части вопроса, Алымов говорил о давних (с 1927 года) связях с Комитетом Севера в Москве, назвал несколько имен его руководителей (П.Г. Смидович, С.А. Бутурлин и др.), подчеркнул исключительно деловой характер встреч и связей с ними. Что же касается саамов, то В.К. Алымов и не скрывал характер своих контактов с коренными жителями. Он знал многих аборигенов края, посещал семьи оленеводов от Туломы до Иоканги, часто бывал в тундре. Даже рекомендовал юношей из семей Осиповых, Матрехиных, Герасимовых, Яковлевых на учебу в Ленинград. Саамы гордились дружбой с «большим начальником», часто искали у него защиты от притеснений местных властей. Квартира Василия Кондратьевича в бревенчатом доме на улице Красной (была такая в районе нынешних улиц Полярные Зори и Буркова, ближе к улице Книповича), где он занимал две комнаты, была для многих оленеводов постоянной и надежной гостиницей. Об этом знал тогда весь небольшой Мурманск.

За это и зацепились на следствии, вопросы посыпались как из рога изобилия: «Кто из саамов враждебен к Советской власти? Кто из них за автономию и союз с Финляндией? Кто из оленеводов поддерживал связь с Финляндией? Есть ли враждебные настроения среди саамов, в частности, студентов педтехникума?»

Нужно отдать должное – В.К. Алымов отвечал честно и ничего против саамов не показал. На первые вопросы о наличии среди них враждебно настроенных, стремящихся к отделению, ответил коротко: «Нет таких». На вопрос о связях саамов с Финляндией тоже дал лаконичный ответ: «Никого не знаю».

Но уже со второго допроса, а он состоялся через десять дней после первого, в течение которых, по-видимому, подследственного «обрабатывали», показания «руководителя саамского заговора» в корне изменились.

10 марта 1938 года В. Алымов на допросе будто бы заявил: «Вошел в контрреволюционную националистическую саамскую организацию в 1935 году по предложению Чернякова и Антонова». А далее пошел како-то, на наш взгляд, выученный бред: организация готовила «соответствующие формирования»; надеялась на поддержку буржуазной Финляндии; проводила агитацию за отторжение Кольского полуострова, совершила различного рода диверсии и т.д. и т.п. Однако прежде чем анализировать дальнейшие показания по делу саамской повстанческой организации, давайте посмотрим: кто же такие Черняков и Антонов, к которым якобы тянулись нити заговора.

Захарий Ефимович Черняков был тогда сотрудником Ленинградского Института народов Севера. Он активно участвовал в работе по созданию саамской письменности, с 1925 года почти ежегодно приезжал, а одно время постоянно работал в Мурманске. Почему выбор НКВД пал именно на него – сказать трудно. Тем не менее уже на первых допросах и другие арестованные на вопрос: «Кто такой Черняков?» – отвечали по-разному: одни говорили, что он поборник саамской культуры, другие – что националист, третья не знали. Самое же парадоксальное и непонятное заключается в том, что Черняков по этому делу так и не привлекался.

Теперь об Антонове. Петр Николаевич работал секретарем так называемого КНА (окружного Комитета нового алфавита) – органа, ведающего делами создания саамской письменности. Будучи арестованным раньше «алымовской группы», он якобы дал показания, изобличающие участников заговора. В протоколах допросов есть упоминание о какой-то бумаге на шведском языке, якобы изъятой у П.Н. Антонова, где идет речь о создании лопарского государства. Но самого документа, к сожалению, в деле Алымова обнаружить не удалось.

Нет и документальных свидетельств очной ставки П.Н. Антонова и В.К. Алымова, ее, по-видимому, и не делали (а почему?).

Как создавались мифы в НКВД

Дело В.К. Алымова стало раскручиваться с неимоверной скоростью. Следователи вели его с самого начала по заранее разработанной схеме: во-первых, саамская повстанческая организация связана с Западом или, точнее, с теми кругами, которые отстаивали идею «Великой Финляндии», с включением в нее Карело-Мурманского края; во-вторых, контрреволюционный саамский заговор был идеально законспирирован и хорошо организован. Во главе заговора стоял центр, в него якобы входили В. Алымов, З. Черняков, А. Эндюковский, П. Антонов и Аллан Валлениус – то ли с

финской, то ли со шведской стороны. Этой руководящей пятерке по «легенде» подчинялись шесть повстанческих групп на местах: в Ловозере, Воронинском погосте, Иоканге, Нотозере, Юркино и Мурманске.

По сфабрикованным показаниям, наиболее крупной была ловозерская группа, в ней будто бы было до 15 человек (Алымов «назвал» двоих Никона и Александра Герасимовых). Из воронинских лопарей фигурировали трое: Александр Яковлев, Семен Дмитриев и Павел Фефелов (бывший председатель колхоза). В Иоканге был арестован Александр Васильевич Матрехин, в Нотозере – Андриан Герасимов.

Саамская контрреволюционная организация в свою очередь была «связана» с «Карельским центром», во главе которого, якобы, стояли Э. Гюллинг и Г. Ровио (тогдашние руководители Карельской АССР). Участники заговора «вели работу» в следующих направлениях: во-первых, разваливали колхозы, артельное хозяйство, сокращали поголовье оленей, поджигали ягельники. Во-вторых, организовывали террористические акты (в частности, утверждалось, что Канев хотел убить первого секретаря райкома партии Г. Елисеева, а другие члены организации даже говорили «об убийстве тов. Сталина и его соратников». В-третьих, заговорщики якобы распространяли провокационные слухи о близкой войне, вели контрреволюционную агитацию за создание еще одного саамского (западного) района (идея Никона Герасимова), и даже «самостоятельной Лапландии». В-четвертых, собирали шпионские сведения, вооружались, готовили повстанческие кадры из кулаков и белогвардейцев (считалось, что центром восстания может быть селение Чальмы-Варрэ на Поное. Именно туда должен был прилететь какой-то самолет из Финляндии).

В ходе следствия «уточнялись» многие детали «заговора». Оказывается, З.Е. Черняков был связан с «буржуазными» учеными – Итконеном (встречались в 1935 году), Кеттуненом и Квингстадом (из Тромсе). Выявлялись и имена «новых заговорщиков»: Лазаря Яковleva и Федора Чопорова из Мурманского педтехникума, А.И. Селиванова, А.М. Дмитриева, П.И. Федорова и С.П. Дмитриева из Воронинского погоста (двоих первых – бывшие кулаки, третий – председатель колхоза в отставке). В общем, клубок раскручивался...

Еще раз о главе «заговора»

И все же не очень понятно, почему В.К. Алымову была уготована роль руководителя военного, по сути дела, заговора? Даже сейчас ответить на этот вопрос нелегко. И все же попытаемся разобраться.

На наш взгляд, выбор обусловили следующие факторы. Василий Кондратьевич был известен, уважаем и почитаем как саамами всех районов Кольского полуострова (арестованные были не только из Ловозера и

Краснощелья, но и из Колы и Падуна, Воронинского погоста и Иоканги), так и коми-ижемцами, пастухами-ненцами.

Кроме того, Алымов жил в Мурманске, его квартира, рабочий кабинет в губисполкоме, а потом и в музее, были местами бесед и встреч для многих гостей из тундры. Тут оленеводы рассказывали своему представителю в Комитете Севера о нуждах и притеснениях со стороны «родной» Советской власти, здесь намечались возможные пути исправления ошибок в решении конкретных вопросов тундровой политики. Вполне естественно, что в ходе разговоров гости не выбирали парламентских выражений для своих формулировок. А поводов для недовольства у них было хоть отбавляй: порядка в оленеводческих колхозах не было, заработки были мизерными, поголовье общественного стада росло плохо. А тут еще подоспела инициатива местных работников о сокращении числа оленей, находившихся в личном владении саамов и коми. Влияли на настроения оленеводов и закрытие церквей, и плохое снабжение (13 апреля 1938 года «Ловозерская правда» писала: «Чтобы купить хлеб, сахар и другие продукты, приходится по два и три часа простоять в очереди»).

Сведения о «вольнодумстве» В.К. Алымова и раньше поступали в ОГПУ – НКВД. Не без подсказки из этих органов его освободили от работы в окреплане и «сослали» в краеведческий музей. Но и там В. Алымов продолжал свою «подрывную работу»; собирая сказки и песни саамов, накапливая материалы по топонимике края, писал статьи на краеведческие темы, ездил в экспедиции в тундру, заинтересованно беседовал, отвечал на запросы своих друзей-оленеводов.

Вся эта общественная и культуртрегерская работа была прервана 27 февраля 1938 года. Василия Кондратьевича арестовали, а в октябре того же года расстреляли в Ленинграде. Вместе с ним были расстреляны десятки ни в чем не повинных людей.

А.С. Салазкин – «военный министр» Лапландии

Вторым человеком в саамской повстанческой организации был (не в действительности, а в воображении следователей) Александр Сергеевич Салазкин (в НКВД был сочинен еще один миф: если В. Алымов «метил» в президенты самостоятельного лопарского государства, то А. Салазкин – в военные министры).

Александр Сергеевич родился в 1894 году в городе Касимове Рязанской губернии, в интеллигентной профессорской семье, получил высшее образование (закончил географический факультет Петроградского университета). С 1931 года жил вместе с женой и сыном в маленьком поселочке Оксино Ловозерского района, где работал геоботаником на опытной оленеводческой станции. Жил тихо, замкнуто и, по всей видимости, думал, что прошлое ушло и забыто. Но органы ОГПУ – НКВД не выпускали его

из поля зрения: во-первых, человек из дворян, правда, не личных, а почетных, но все же; к тому же отец его был членом Временного правительства, при Керенском занимал пост министра народного просвещения. Во-вторых, ни с того ни с сего приехал в Заполярье из Ленинграда — «тут что-то не то». В-третьих, А.С. Салазкин — в прошлом колчаковский офицер (был командиром роты с июня 1918 года по январь 1920 года), за что отсидел два года в концлагере. В-четвертых, был замечен «в контрреволюционной агитации»: неуважительно относится к местной власти, недоволен коллективизацией, говорил как-то, что западные саамы живут культурнее, чем наши.

И хотя Салазкин неоднократно заявлял, что к прошлому возврата нет, что он примирился с Советской властью, его арестовали, и вскоре после пыток он показал, что его завербовал в контрреволюционную организацию в 1931 году В.К. Алымов. Мол, в тот раз он (Салазкин) приехал в Мурманск, остановился, как многие приезжие, у Василия Кондратьевича, жил у него в ожидании парохода чуть ли не неделю, и там «произошла его вербовка». Вернувшись в тундру, Салазкин якобы организовал в Ивановке контрреволюционную группу из семи человек. А главным его помощником был Иван Иванович Артиев. Вот последний-то со своими родственниками и распространяли заразную для оленей болезнь — «копытку», убивали животных, поджигали леса и ягельники и т.д. и т.п.

Еще один «заговорщик» — «Вань-Вань»

Кто же такой И.И. Артиев? Выходец из коми-ижемцев, он принадлежал к старшему поколению «заговорщиков», на момент ареста ему было под шестьдесят. Иван Иванович (или, как его звали саамы, «Вань-Вань») прошел большую жизненную школу. Служил еще в 1902–1905 годах в царском военно-морском флоте, за участие в восстании кронштадтских моряков в период первой русской революции был осужден царским судом. После революции трудился в родной тундре, пас оленей, ловил рыбу, растял детей (их у Ивана Ивановича было пятеро).

Артиев считался в Кольской тундре одним из самых культурных оленеводов: вел хозяйство по-современному, выписывал газеты и журналы, сам учил детей. Еще летом 1921 года в «Полярной правде» была помещена маленькая заметка, в которой рассказывалось о демобилизованном военморе И.И. Артиеве: принял за обучение детей и взрослых, сделал столы-парти, доску, деревянные кубики — азбуку. И хотя не было учебников и бумаги, а из канцелярских принадлежностей был лишь огрызок карандаша — дело шло на лад.

Новые испытания роду Артиевых принесла коллективизация. За то, что успешно вел оленеводческое и рыболовное хозяйство, жил безбедно, И. Артиев подвергся раскулачиванию. Но уже на следующий год (раскула-

чили в 1931-м, а восстановили в правах в 1932 году) власти поняли, что совершили ошибку, и приняли его в колхоз: он был единственным в хозяйстве (да, наверное, и на всю тундру) квалифицированным столяром. И опять вроде бы пошло все хорошо: Иван Иванович, так же как его братья Александр и Викентий, пользовался большим авторитетом среди оленеводов («умные мужики»), хотя это и не нравилось местным руководителям. Не нравилось им и само поселение Ивановка, основанное крепким родом Артиевых в среднем течении Поноя еще в 1917 году. Деревню решили переименовать — назвали Чальмы-Варрэ. Ну, а род Артиевых пошел фактически под топор.

В 1938 году, когда началась очередная волна репрессий, семье Артиевых были предъявлены новые обвинения: «враждебно настроены к Советской власти», «не смирились с коллективизацией», готовят заговор. К заговорщикам, кроме самого И. Артиева, были отнесены три его брата: Александр (когда-то имел 500 оленей!), Викентий (тоже в прошлом «кулак») и Федор, а также Егор Канев. Ближайшим их руководителем, как мы уже говорили, был объявлен Салазкин, а в Мурманскे их «начальником» стал, естественно, Алымов, которого Иван Иванович хорошо знал с 1925 года (заезжая в тундру, Василий Кондратьевич всегда останавливался у Артиевых).

Вот так и «влип» коми И.И. Артиев в «саамское дело». Только 11 октября 1957 года его дочери Александре Ивановне Филипповой сообщили, что Иван Иванович Артиев ни в чем не виноват и полностью реабилитирован (посмертно).

О Никоне Герасимове и других

Среди других участников «саамского заговора» хотелось бы выделить Никона Петровича Герасимова, нотозерского саама, 1910 года рождения. Его тоже ни за что ни про что репрессировали в 1938 году.

Никон был очень способный, инициативный парень, окончил Ленинградский Институт народов Севера, стал грамотным советским работником. А до этого был батраком, пастухом, лесорубом, сплавщиком. И вот, когда, как говорится, только-только выбился в люди, пошли доносы. Человека оклеветали, посадили, расстреляли (в его уголовном деле мы видели акт, подписанный старшим лейтенантом госбезопасности А.Р. Поликарповым: «Приговор приведен в исполнение 22 октября 1938 года»).

Вот что писали мы о Н.П. Герасимове в книге «Советские саамы: история, экономика, культура»: «В Нотозерском погосте первым “выпускником” курсов ликбеза был Никон Герасимов. Ночами, при тусклом свете свечи, после тяжелой работы на лесозаготовках старательно выводил парень каракули. Вскоре Никон вступил в комсомол, стал писать заметки в стенгазету “Полярный лесоруб”, выходящую на лесопункте. Он был пер-

вым селькором "Полярной правды" из саамов. Спустя несколько лет Н.П. Герасимов в статье "Национальное устройство лопарей в Мурманском округе" сообщал, что грамотность саамов за пять лет (с 1926 по 1931 годы) "повысилась вдвое", что "наряду с этим повысилась сознательность и активность трудящихся саамской народности".

После окончания института Никон Герасимов работал заведующим Домом оленевода в Мурманске, был членом Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, перед арестом возглавлял сектор кадров в Ловозерском райисполкоме.

После его расстрела остались двое малолетних детей – Вадим (ему было пять лет) и Сусанна (два годика). Жена Никона Петровича Анна Исааковна только в 1957 году получила извещение о реабилитации мужа. (Военный трибунал Северного военного округа 4 июля 1957 года отменил приговор по делу саамской повстанческой организации и полностью оправдал всех пострадавших.)

Таких людей, как Никон Герасимов, среди репрессированных саамов было много. И в первую очередь надо назвать еще одного уроженца Рести-кента – Якова Ивановича Осипова. Он также окончил Институт народов Севера, потом учился на годичных юридических курсах и работал народным судьей в Полярном районе.

Как велось следствие?

Теперь, когда мы рассказали о «главных участниках заговора», давайте посмотрим, как шло само следствие.

Дело о саамской повстанческой организации вел не один человек, а целая группа энкавэдэшников. Вот как, в частности, это отражено в деле В. Алымова.

Первый допрос, сразу после ареста, проводил следователь Шабаловский, второй – младший лейтенант госбезопасности А.Я. Тощенко, третий допрос (21 марта) – сержант П.В. Терехов. Очные ставки проводил еще один сотрудник – некий Кольк. А всего к ведению дела было привлечено 7 следователей.

Характерно, что все они любили и «умели» зацепиться за такие факты биографии подсудимых, как социальное происхождение, национальность, образование, служба в старой армии, принадлежность к другим партиям, наличие родственников за границей, судимость. У каждого человека, попавшего в лапы НКВД, почти всегда находился какой-то изъян, который тут же обращали против арестованного: у В. Алымова – принадлежность к меньшевикам, у А. Салазкина – служба в белой армии, у И. Артиева – факт раскулачивания, у Н. Герасимова – судимость (алименты) и т.д. и т.п.

Все протоколы очных ставок написаны абсолютно одинаково (как под копирку) – складывается впечатление, что их составляли уже после

процедур, задним числом. Эти документы как бы выполнены по нужному образцу: у обвиняемых добывались (или «выбивались») нужные следствию показания.

Одна из первых очных ставок по «саамскому делу» была проведена через неделю после ареста В. Алымова, 5 марта 1938 года. В кабинете следователя встретились тогда Алымов и Анриан Герасимов. Трудно представить, как проходила она на самом деле, но, судя по протоколу, спокойно и мирно. Прежде всего было зарегистрировано, что обвиняемые друг друга знают и между ними никаких личных счетов нет. Ну, а дальше важно лишь следующее: Герасимов якобы сказал, что его завербовал Алымов, и последний подтвердил: «Да». Такими же, судя по документам, были очные ставки Алымова с Никоном и Александром Герасимовыми, с А. Салазкиным и другими.

Все проходящие по «саамскому делу» вначале, при аресте и на самых первых допросах категорически отказывались от предъявленных обвинений. Вот как это отражено в протоколе допроса В. Алымова.

Следователь: «Ваша научная работа есть не что иное, как ширма для прикрытия шпионской и диверсионной работы. Вы хорошо замаскировавшийся враг народа».

Допрашиваемый категорически отрицает: «Никакой работы во вред Советской власти я не вел».

Следователь: «Ваша маскировка напрасна... Мы изобличили вас документами».

Алымов: «У вас нет и не может быть никаких документов».

Следователь был вынужден предъявить какую-то бумагу на шведском языке, якобы принадлежащую представителю шведских коммунистов в Коминтерне Аллану Валлениусу. Но о ней лишь упоминается, самого документа в деле нет, и это, думается, фальсификация.

Но тем не менее уже на следующем допросе Алымов начинает показывать на себя и разоблачать друзей-товарищей. По-видимому, с ним так «поработали», что следствие пошло как по маслу.

И это характерно: по истечении некоторого времени все дружно выявляли вину каждого. Так, Александр Афанасьевич Яковлев показал, что в Воронинском погосте, кроме него, были еще четыре «заговорщика». Взятый, якобы, с поличным Я. Осипов назвал имена десяти сообщников и т.д.

Мы не знаем достоверно, били ли всех, но точно знаем, что с целью получения необходимых для следствия сведений был жестоко избит в мурманской тюрьме привлеченный по другому делу В.В. Филиппов.

Еще об одной особенности следствия. Интересно, что именно к делу В. Алымова в качестве доказательств были приложены две фотографии: на одной – ряд винтовок, стоящих у стенки, на другой сваленное кучей разное оружие от английских винтовок до русской малокалиберки и пачек патронов. В обвинительном заключении речь шла о 25 винтовках, 10 ружьях и

5 255 патронах, якобы обнаруженных у заговорщиков. Там же говорилось о наличии в тундре уже не шести, а десяти повстанческих групп, в которых насчитывалось 70 человек (кроме того, в соседнем Саамском районе тоже было организовано похожее дело – по нему привлекали 16 человек).

Примечательно, что по ходу следствия все члены «саамского заговора» усугубляли свою вину: если в записи первого допроса В. Альмова говорилось о создании контрреволюционной организации в 1935 году, то вскоре (на третьем допросе) появилось новое утверждение: «Начал борьбу не в 1935 году, а в 1927-м». И дополнительные уточнения тоже были существенными: группа в Ловозере, во главе с Никоном Герасимовым, образовалась в 1929 году, а группа в Иоканге – в 1931 году...

И все же было очевидно и по тем временам, что так называемое «саамское дело» было шито белыми нитками. Уже в 1940 году оно было подвергнуто сомнению, а затем определено фальсификацией. В одном из предвоенных документов прямо говорилось: «Саамская повстанческая организация высосана из пальца».

Ясно и другое: некоторые сотрудники Мурманского отдела НКВД хотели на этом деле сделать себе карьеру; значительная часть вины в содеянном преступлении ложится на начальника Ловозерского РО НКВД И.М. Михайлова, который за короткий период (несколько месяцев 1938 года) арестовал только в Ловозере более 100 человек (а все население составляло, как мы уже говорили, около двух тысяч). Ему активно помогали мурманские сотрудники НКВД и следователи – А.Я. Тощенко, П.В. Терехов, П.В. Гришунов и др. Это по их приказам и указаниям арестовывались и допрашивались с применением пыток люди. И не потому, что виноваты, а согласно агентурным разработкам и последующим «зацепкам», по национальному и классовому признакам. Это они прибегали к физическим и психологическим методам воздействия на арестованных, убивали невиновных, подделывали («корректировали») документы.

О чем свидетельствует дело «саамской контрреволюционной организации»?

Во-первых, оно было полностью надуманным и сфальсифицированным. Об этом говорили сами сотрудники НКВД еще в 1940–1941 годы – это чистая «липа».

Во-вторых, оно велось с нарушением всех процессуальных норм и юридических правил, по заранее намеченной схеме, в которую по ходу дела лишь вносились поправки. Допросы велись некомпетентными следователями, недозволенными методами и с применением, повторимся, физических и психологических мер воздействия.

В-третьих, это дело нужно было сотрудникам НКВД «для поддержания собственного авторитета» и запугивания населения, чтобы оправдать свою деятельность, зарекомендовать себя в глазах высокого начальства. И этой цели, к сожалению, они достигли.